

Яков Кульнев: первый герой войны 1812 года

Гусарский генерал Яков Петрович Кульнев воевал с наполеоновскими войсками на белорусской земле

Заиндевел ствол автомата за плечом, заиндевел прикнутый штук. Снег хрустел под сапогами, как уминаемый в бочку кочан. И блестевший металлом месяц в аспидной бесконечности неба тоже казался холодным и заиндевелым. Ресницы склеивались от мороза. Ничего себе март!

Солдат свозили в Белорусию на самые крупные со времени войны маневры «Двина» из нескольких округов – с севера, с юга, с востока. Наш эшелон лениво, с бесконечными остановками тащился от подмосковного Наро-Фоминска. И чем дальше отъезжали мы от столицы, тем радужнее и трогательнее встречали нас на станциях и полустанках. Не знаю, что было тому причиной. Наверное, память.

Везли нас в теплушках с наскоро сбитыми нарами и чугунными печками-буржуйками посреди вагона; на открытых платформах сходили зачехленные брезентом танки и сжились около них в ямцицких тулупах до пяти часовые. Может быть, эти образы навевали людям воспоминания о 1944-м, когда катились на запад такие же бесконечные солдатские эшелоны. Может быть, заставляли их вспоминать о былом юные и веселые наши лица под потертыми ушанками с красными звездами или полевые погоны с малиновым пехотным кантом, или подбитые ветром серые наши шинели. Да скорее все вместе будоражило людскую память и душу.

Особенно тепло принимали наш эшелон в Белоруссии. Пока прокатывались мы малой скоростью с востока на северо-запад через городки и вески, народ высыпал к железнодорожному полотну махать нам руками, пожилые мужики стаскивали с голов шапки, будто провожали в бой, а их жены вытирали концом платка горькие слезы со щек. На стоянках уточили нас рассыпчатой белой картошкой, солеными огурцами и домашней колбасой. Патрули колотили о рельсы бутылки с мутным первачом.

Так и доехали мы до Богом забытой, затерянной в белорусских пущах станции Крулевщина. Выгрузились уже в темноте, и выпала мне «собачья вахта» в карауле – с двух ночи до четырех утра. Хоть и плыл в небе месяц, сквозь холодную пелену не видно было ни зги, ни огонька, только надвигался из темноты черной стеной лес. Два часа на морозе – вечность. Не напрягаешься,

Портрет Якова Петровича Кульнева мастерской Джорджа Доу

не спасет и безостановочно отбиваемая сапогами чететка. Единственный выход – отвлечься, не думать о морозе, пробирающем до костей, не считать минуты.

Вот и пришлось кстати юношеское увлечение историей. Вспомнилось: ведь тут и Полоцк недалеко, и Клястицы где-то севернее... Место последнего боя генерала Якова Кульнева...

И зазвенели вдруг у леса удилами кони, захрапели, выдывая морозный пар из ноздрей; застучали ножны по стремянам, послышались приглушенные голоса, осаживавшие конское нетерпение. Плывет от черной стены вековых сосен конный строй, по восемь в ряд. Высокие султаны на киверах подрагивают в такт слаженной рыси. Впереди под

Первым был Яков Кульнев. Он первым доказал, что наполеоновских маршалов и генералов можно бить

штандартом – генерал. Менчик распахнут, чтобы выдели все белый эмалевый крестик офицерского Георгия; золотая наградная сабля приторочена к седлу.

Ах, генерал Яков Петрович Кульнев! Лихой гусар, первый герой Отечественной войны 1812 года, стяжавший громкую славу в войне со шведами

в 1808-1809 годах, на которой получил генеральский чин и ордена. Потом на турецкой войне в 1810 году брал он неприятельские крепости Силистиу, Рущук, Никополь, за что пожалован был от государя золотым оружием с алмазами и двенадцатилетним пенсионом.

Бравый генерал, с умопомрачительными усами, с пышными бакенбардами и совсем еще не старый – сорок восьмой пошел. Да и не скажешь, право, что в годах – ни седины, ни морщин и глаз коричневый, как у арабского скакуна, горит, полыхает огнем. А самое главное – не женат и у императора в благоволении. Витебские и петербургские девы на выданные вместе с мамами охотились на генерала изощренно и искусно, словно зулусы на белого

Самокиш Николай Семенович. Атака гусар Кульнева у Клястиц 20 июля 1812 г.

ла была служба Отечеству, и изменять ей он не хотел и не собирался. «Ничто на свете, – писал он одной из соискательниц, – даже самая любовь, которую я к вам питаю, не может отвлечь меня от сердечного ощущения беспрельной любви к Отечеству и к должности моей. Прошайте, любезная и жестокая очаровательница».

Очаровательницы надували губки и обиженно фыркали. А генерал, закутавшись в солдатскую шинель, шел к кострам, у которых сидели его гусары. Он заметно подражал Суворову, под началом которого воевал в польском походе. Но и самому Кульневу, происшедшему из военной семьи и впервые попавшему в настояцй бой в возрасте неполных восемнадцати лет, именно такой образ жизни был и привычнее, и милее. В свете судачили о безобидных чудачествах гусарского генерала, в армии восхищались его беззаветной храбростью и боевой удачей. Кульнев еще не стал национальным героем, но его уже знали во всей необъятной империи. Аляповатые, грубые, почти лубочные портреты генерала висели по трактирам и ямским станциям, его усы и бакенбарды вошли в моду среди кавалерийских офицеров. Поэт и будущий партизан Денис Давыдов, тогда еще гусарский ротмистр, обзавелся та-

кими же накануне войны и не расставался с этим буйным украшением вплоть до своей кончины.

Наполеоновское нашествие Яков Кульнев встретил со своим полком в составе корпуса графа Витгенштейна там же, в северо-западной части Белоруссии, за Полоцком. Корпус прикрывал пути к Петербургу. Усиленным другими частями полк Кульнева вел авангардные и аррьергардные бои с неприятелем, позволяя основным силам совершать необходимые маневры. Он атаковал первым и уходил последним, сдерживая наступательный порыв французов. Надо сказать, Кульнев не испытывал уничижительного для себя питета к Наполеону и, вообще, французской армии, которую многие тогда считали и называли непобедимой. Военный гений Бонапарта не убеждал генерала Кульнева в невозможности одержать над ним победу. Приходилось ему и раньше скреплять оружие с французами: в Пруссии в 1807 году. И тогда он не проиграл ни одного боя.

Поэтому генерал не только воевал в составе корпуса графа Витгенштейна, но и совершал самостоятельные рейды, всегда поражавшие неприятеля своей смелостью, быстротой и натиском. С двумя полками и артиллерийской ротой переправился Кульнев 2 июля

1812 года, на одиннадцатый день нашествия, через Двину, застал врасплох два французских полка, частью вырубил их, частью пленил. Впервые в этой войне в плену оказался французский генерал, и впервые французы потерпели ошутимое поражение. 13 июля Кульнев вновь разбил большой французский отряд и захватил несколько сот пленных. 18-19 июля у Клястиц и Якубово генерал Кульнев разгромил авангард корпуса маршала Удино, захватив почти тысячу пленных и большой

обоз. Наполеон был вынужден приостановить продвижение своих войск, решив, что главные русские силы перешли в наступление.

Впереди лежала целая война. Не произошло еще кровопролитное сражение за Смоленск, не было еще Бородино и Московского пожара, разгрома французов под Полоцком и на Березине. Далеко еще было до того дня, когда казачьие кони загараевали по мостовым Парижа. И сами парижане еще не узнали значения русского слова «быстро», поэтому их кафе пока и назывались просто кафе, а вовсе не быстро, как их стали звать после 1814 года.

Впереди еще были полководческие подвиги Кутузова, Багратиона, Барклая-де-Толли, героям Волконского, Ржевского, Ермолова, Милорадовича, Коновницана... Но первым был Яков Кульнев. Он первым доказал на деле, что наполеоновских маршалов и генералов можно бить и захватывать в плен. Он первым совершил победные рейды по вражеским тылам и неожиданные фланговые удары – приема, которые широко применялись потом партизанскими и казачьими соединениями.

Первым всегда трудно, а генералу Кульневу, наверное, труднее всех, ибо был он натурой увлекающейся и, как положено гусару, азартной. 20 июля генерал Кульнев переправился через Двину, атаковал французов, опрокинул, но увлекся преследованием. Не заметил, как подошли главные неприятельские силы. Там, под Клястицами, на северо-западе Белоруссии он и был

СПРАВКА «СВ»

Армия вторжения Наполеона насчитывала, по различным оценкам, свыше 600 тысяч человек при 1372 орудиях. В наполеоновскую армию кроме 356 тысяч французов входили войска почти всех государств Европы, завоеванных Наполеоном, в том числе неаполитанские, голландские, австрийские, прусские, баварские, саксонские, вестфальские, баденские, польские. Русские войска, выдвинутые на западную границу для встречи с противником, составляли около 185 тысяч человек, которые разделялись на три армии.

Россия начала XIX века являлась самой крупной страной Европы с населением 36 миллионов. Оружейные заводы выпускали ежегодно 1200-1300 орудий и более 150 тысяч пудов бомб и ядер (французские заводы – 900-1000 орудий). На трех крупнейших оружейных заводах (Тульском, Сестрорецком и Ижевском) изготовлялось от 120 до 150 тысяч ружей в год, в то время как во всех французских оружейных мастерских – около 100 тысяч ружей. Русское оружие было высокого качества и не уступало французскому по тактико-техническим данным.

По подсчетам Клаузевица, из основной армии Наполеона собрались за Вислой к январю 1813 года лишь 23 тысячи солдат. Наполеон потерял в России свыше 550 тысяч обученных солдат, всю элитную гвардию, свыше 1200 орудий. Отечественная война в январе 1813 года перешла в «Заграничный поход русской армии»: боевые действия переместились на территорию Германии и Франции. В октябре 1813 года Наполеон был разгромлен в битве под Лейпцигом и в апреле 1814 года отрекся от трона Франции.

БЫЛОЕ В ОБРАЗАХ

Жил-был Кентавренок...

Надя Рушева – уникальный ребенок, запечатлевший многих исторических персонажей

Красавица с томными глазами – Наталья Гончарова. Иешуа с огромными и печальными глазами, в которых запечатлена скорбь за грехи человечества. И бледные, худые лица матерей, оставшихся среди сожженных войной деревень. Школьница Надя Рушева умела прочувствовать настроение и характер своих героев, проникнуть в их внутренний мир и смелой, уверенной линией запечатлеть его на бумаге. В этом году ей исполнилось бы 60.

У поэта и музыканта Виктора Цоя есть очень мудрые строчки: «Мы – рано созревшие фрукты, а значит, нас рано съедят». Эти слова можно отнести ко многим рано ушедшим талантам, которые в свои юные годы смогли понять и отразить жизнь тоньше и глубже многих взрослых. Но по воле рока их звезда сторела слишком быстро. Так сложилась и судьба юной Нади Рушевой. Будущая художница родилась 31 января 1952 года в Улан-Баторе. В семье русского художника Николая Константиновича Рушева и первой тувинской балерины Натальи Дойдаловны Ажикмаа-Рушевой. При рождении ей было дано имя Найдан, но друзья и близкие звали ее простым русским – Надя.

Рисованию девочку никто не учил – она потянулась к карандашу сама. В 5-летнем возрасте, пока отец читал ей «Сказку о Царе Салтане», Надя набросала 36 иллюстраций к книге. В нескольких изогнутых линиях черным по белому она могла передать самые сложные переплетения чувств и настроений. Пара взмахов – и образ готов. «То, что это создала девочка гениальная, становится ясным с первого рисунка. Они не требуют доказательств своей первозданности», – говорил о ней Ираклий Андроников.

Первая выставка Надиных рисунков была организована журналом «Юность» в мае 1964 года. Тогда Надя училась в 5-м классе. После этого ее работы стали регулярно появляться на

«Откуда у 16-летней девочки такое знание людей, эпох? Это загадка, которая никогда не будет разгадана».

страницах «Юности». Девочке прочили будущее книжного графика, а она мечтала стать художником-мультипликатором. В

Затем были иллюстрации к романам «Война и мир» Льва Толстого и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Гово-

последующие пять лет о Наде узнали за пределами СССР – в Польше, Чехословакии, Румынии, Индии.

Ее рисунки нередко сравнивали с творениями юного лицеиста Пушкина на полях ученических тетрадей. И именно это дало повод издателям произведений Пушкина обратиться к Наде с просьбой о создании иллюстраций. Надина «Пушкиниана» включила в себя не только иллюстрации к произведениям, но и иллюстрации к жизни самого поэта, серию портретов его друзей и близких. Легкие и изящные, прекрасные в своей простоте линии смогли передать облик прекрасной женщины, навсегда пленившей искусственно-го 30-летнего поэта. Эти же линии слились в размашистые вихри молодого лициста, который замер с пером в руке.

рят, когда вдова Булгакова Елена Сергеевна, которая послужила прототипом Маргариты, увидела рисунок Нади, она была поражена портретным сходством. Юная художница никогда не встречалась с Булгаковой, но свою Маргариту написала словено с натуры. Надя даже создала несколько эскизов к балету «Анна Каренина», и после смерти юной художницы этот балет был действительно поставлен. Роль Карениной исполнила Майя Плисецкая. «Откуда у 16-лет-

ней девочки такое знание людей, эпох? – удивлялся пораженный ее талантом академик Дмитрий Лихачев. – Это загадка, которая никогда не будет разгадана». Помимо известных литературных и исторических образов Надя создавала свои собственные – животных, людей, сказочные и мифические персонажи. «Как ты придумываешь их?» – удивлялись взрослые. «Я их заранее вижу. Они проступают на бумаге, как водяные знаки, и мне остается их чем-нибудь об-

вести», – отвечала девочка.

Творчество стало формой жизни – она рисовала везде. Не могла выйти из дома без блокнотика и карандаша. Если их не было – рисовала веткой на снегу или песке. В 1969 году на «Ленфильме» начались съемки документального фильма «Тебя, как первую любовь...», посвященного Нади Рушевой. Но завершить фильм не удалось. Собираясь утром 6 марта в школу, девочка потеряла сознание и после умер-

ла в больнице. Причиной была врожденная аневризма сосуда головного мозга. 17-летняя Надя была похоронена в Москве на Покровском кладбище, там же, где потом похоронили и ее отца. На могиле художницы был поставлен памятник с ее рисунком – Кентавренком. Добрый, со светлыми умными глазами, с удивленным взглядом, он чем-то похож на свою создательницу. Позже Кентавренок стал символом Международного кинофестиваля «Послание к Чело-

веку», который ежегодно проходит в Санкт-Петербурге.

В переводе с монгольского Найдан – «вечно живущая». На Кавказе есть перевал Нади Рушевой. Ее имя носит малая планета и московский Центр образования №1466, где создан музей Нади Рушевой. А главное – это ее огромное художественное наследие – 12 тысяч рисунков. В них будет вечно жить юная художница.

Татьяна КУТАРЕНКОВА